

17

К вопросу о больших циклах конъюнктуры^{*1}

Н. Д. Кондратьев

В выпуске первом «Вопросов конъюнктуры» я опубликовал статью «Большие циклы конъюнктуры». В этой статье была поставлена сознательно узкая и определенная задача: выяснить – существуют ли в динамике капиталистического общества большие циклы (продолжительностью около 50 лет), и если да, то как они проявляются². Я пришел к выводу о вероятности их существования. Указанная моя работа подверглась критике Н. Н. Суханова в статье «К вопросу о больших циклах», помещенной в журнале «Плановое Хозяйство» (№ 4 за 1926 г.), и Д. И. Опарина в статье «Большие циклы конъюнктуры проф. Кондратьева», помещенной в том же журнале (в № 5). Настоящая статья является ответом Н. Н. Суханову и Д. И. Опарину.

Веселая критика Н. Н. Суханова

1. Н. Н. Суханов прежде всего сомневается в научной обоснованности моей постановки проблемы о больших циклах конъюнктуры, считая ее «несколько праздной», а труд по ее решению «мало плодотворным», «просто гимнастикой ума» (стр. 160–161)³. Основание для этого сомнения Н. Н. Суханов видит в сущности понятия конъюнктуры. Что же понимает Суханов под конъюнктурой? «Ускорение или замедление темпа экономического развития в данный промежуток времени сравнительно с предыдущим», – отвечает он (стр. 160). Превосходно. Что же понимаю под конъюнктурой я? В работе, которая более года назад была посвящена мною специально понятию конъюнктуры⁴ и служила до известной степени введением к работе о больших циклах, на основе принципиального анализа различных типов динамических процессов я свел существо конъ-

---

* Публикуется по: Кондратьев Н. Д. К вопросу о больших циклах конъюнктуры // Плановое Хоз-во. 1926. № 8.

¹ В порядке обсуждения проблемы больших циклов конъюнктуры, см. «План. Хоз.» № 4, 5 за 1926 г. Ред.

² См. мою статью, стр. 30 и 65.

³ Здесь и ниже в скобках указываются страницы по соответствующей книжке «План. Хоз.».

⁴ См. мою статью «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры» («Социал. Хоз.», № 2, 1924 г., в особенности стр. 365 и сл.).

конъюнктуры к колебательным процессам в народном хозяйстве в смысле смены периодов повышенного и пониженного темпа хозяйственной жизни. На той же точке зрения стою я и в работе о больших циклах⁵. Отсюда ясно, что Н. Н. Суханов почти дословно повторяет то, что писал о конъюнктуре я. Тогда в чем же дело? Дело оказывается в том, что указанное понятие конъюнктуры можно прилагать к коротким периодам, но нельзя прилагать к периодам длительным (стр. 160). Почему? Потому, что изменения конъюнктуры в течение короткого времени, – утверждает Н. Н. Суханов, – все сознают, так что в этом случае «конъюнктурное бытие определяет сознание хозяйствующих субъектов»; наоборот, те же «хозяйствующие субъекты» никогда даже не подозревают, что существуют длительно-понижательные и повышательные колебания темпа хозяйственной жизни. Эти колебания приходится «открывать профессорам через десятки лет в их исторических (или социологических) исследованиях» (стр. 160). При всем желании я не могу признать аргумент Н. Н. Суханова состоятельным. Если бы даже он был прав, если бы «хозяйствующие субъекты» даже не подозревали существования больших волн конъюнктуры, это не говорило бы ничего ни против существования таких волн, ни против того, что фактически поведение «хозяйствующих субъектов» сообразовалось бы с ходом больших волн. Люди могут не осознавать и, в действительности, очень часто не осознают очень многих социально-экономических процессов. Но это не мешает таким процессам протекать.

Однако Н. Н. Суханов совершенно напрасно столь унижает своих «хозяйствующих субъектов». Если он судит об их сознании и поведении по себе, то это его дело. Но гораздо интереснее факты истории. Если с 50-х по начало 70-х гг. прошлого века, несмотря на краткие колебания конъюнктуры, наблюдалась общая повышательная волна темпа хозяйственного развития, то имела она в то время реальное отражение в поведении «хозяйствующих субъектов» или нет? Превосходный и прямой ответ на вопрос дает Энгельс: «Все прежние огромные произведения пара и машины были ничто в сравнении с огромным подъемом производства за двадцать лет от 1850 до 1870 гг., с громадными цифрами ввоза и вывоза, с богатством, накопившимся в руках капиталистов и громадной рабочей армией, сконцентрированной в гигантских городах. Этот подъем, правда, прерывался, как и раньше, кризисами, наступающими каждые десять лет; кризис был и в 1857 и в 1867 гг.; но эти перерывы рассматривались как естественные, неизбежные явления, которые нужно пережить и которые, в конце концов, все же улаживаются»⁶. Я ничего не имею добавить к этим словам Энгельса.

⁵ См. мою статью, стр. 28 и 45.

⁶ См.: Fr. Engels. Die Lage der Arbeitenden Klasse in England. Zweite Auflage. Stuttgart, 1892. S. XVIII.

Если, наоборот, с 70-х гг. до половины 90-х наблюдалась общая длительная депрессивная волна развития, нашедшая особенно резкое выражение на сел.-хоз. рынке, если в течение этого периода под прямым влиянием депрессии произошла реорганизация европейского сельского хозяйства на животноводческое направление, если в то же время почти непрерывно работали парламентские комиссии (например, в Англии) по борьбе с депрессией, то что же это – «профессорские открытия» депрессии или факты истории? Если с половины 90-х гг., несмотря на кризисы 1900 и 1907 гг., начинается длительная повышательная волна, если капитализм достигает высочайших пределов своей экспансии, если появляется бесконечная литература о растущей дороговизне и проводятся меры борьбы с ней⁷, то что же, эта длительная волна нашла свое реальное отражение в сознании в поведении «хозяйствующих субъектов» или нет?

Для всякого, кто изучал историю развития капитализма и считается с ней, аргумент Суханова, будто длительные колебания темпа развития хозяйственной жизни не осознаются в практической деятельности и имеют только академическое значение, представляет собой простое и более чем неосторожное игнорирование (?) исторической действительности. Но если так, то и его сомнение в научной обоснованности и значении проблемы о циклах большой воли конъюнктуры лишается всякой почвы и превращается в простые разговоры. Почему не поговорить и почему не посомневаться?

Но самое удивительное заключается в том, что, поговорив и посомневавшись, Н. Н. Суханов заканчивает разбираемый раздел критики советом, как нужно было бы поставить вопрос, если уж ставить его. Оказывается, нужно было бы поставить его так: «какие темпы развития капитализма?» (стр. 160–161). Но позвольте, ведь смена темпов по вашему же определению и есть смена конъюнктур? Значит, вы не только не отрицаете, а даже сами рекомендуете поставить проблему о смене конъюнктур по различным периодам и притом не оговаривая длительности последних? И если ограничиться пока постановкой вопроса и не касаться методов исследования и выводов (о чем речь будет ниже), то чем же ваша постановка отличается от моей? Ведь я именно и исследую смену темпов развития хозяйственной жизни в прошлом капитализма⁸. Так, походив вокруг и около постановки проблемы, поговорив, посомневавшись, Н. Н. Суханов, в конце концов, констатировал, что говорил он все время прозой.

2. Впрочем, далее и сам Н. Н. Суханов снисходительно и условно допускает, что у меня «с постановкой проблемы обстоит все благополучно» (стр. 161), и обращается к критике моих методов исследования, которые, по его мнению, «важнее и интереснее всего» (стр. 161).

⁷ Ср.: Л. М. Ковальская. Дороговизна жизни и борьба с ней. М., 1917.

⁸ См. мою статью, стр. 30, 45 и др.

Свою критику методологии Суханов начинает следующим заявлением: «У проф. Кондратьева она разделяется на писаную и неписаную. Подобно конституции интереснее, а главное – показательнее именно последняя: подразумеваемая. Нам необходимо взглянуть, прежде всего, какие именно аксиомы, предпосылки, исходные точки рассуждения и теории разумеются сами собой и неизбежно покоятся в его сознании» (стр. 161. Курсив наш. – *Н. К.*).

Чего, чего, оказывается, у меня не подразумевается: и аксиомы, и предпосылки, и исходные: точки зрения и даже целые теории! И все эти аксиомы, предпосылки и т. д. Н. Н. Суханов изложил, разбил и заменил своими буквально на 26 строчках все той же стр. 161. Совсем как Юлий Цезарь: *veni, vidi, vici!*

Но если критик позволяет себе говорить не только о писаной, но и о неписаной методологии автора, то он должен доказать, что эта неписаная методология с логической необходимостью автором предполагается и что он понял автора верно. К сожалению, этого нет в критике Н. Н. Суханова.

«Проф. Кондратьев, – пишет Н. Н. Суханов, – исследует... не фазы капиталистического развития, а его конъюнктуры. Это его право. Но он исследует конъюнктуры вне всяких этапов и фаз» (стр. 161). По мнению Н. Н. Суханова, я молчаливо отрицаю существование этих фаз, игнорирую их и их значение. В силу этого «он (то есть я. – *Н. К.*) исследует “циклы” капитализма так же, как астроном исследует круговращение небесных светил. Для него законы капиталистической динамики так же постоянны и так же механичны, как и законы астрономии... Все это несостоятельно...» (стр. 161). Покончив, таким образом, со мной, далее, с прозрачным намеком на собственное достоинство, Н. Е. Суханов пишет, что «у скромного “течения”, именуемого марксизмом, которое некоторыми в силу пристрастия их к хорошему тону считается несуществующим, совсем другие исходные точки зрения». Для марксизма капиталистическое развитие – органический процесс, и его законы на различных стадиях столь же различны, как различна физиология организма на разных стадиях его роста. «У ребенка полагается быть иному пульсу, чем у взрослого или старика; ребенку не полагается ни деторождения, ни склероза. Способы меры, числовые выражения здоровья (подъема) и болезни (кризиса) различны в различные возрасты организма» (стр. 161).

Хорошо и образно (пожалуй, не хуже Лилиенфельда или Вормса) пишет новоявленный реставратор органической теории – Н. Н. Суханов. Равным образом я не склонен оспаривать заслуг Н. Н. Суханова и перед марксизмом. Они общеизвестны. Их не раз и весьма откровенно отмечала сама бесспорно марксистская литература.

Но все же, несмотря на это, «кое в чем» я согласиться с Н. Н. Сухановым не могу. Пойду, примерно, в том «порядке» пунктов, который наметен им.

Прежде всего, по поводу неписаной (скрываемой..?) методологии. О том, что я исследую конъюнктуру и даже не вообще конъюнктуру, а лишь один специальный вопрос из этой области, открыто говорят заглавие моей статьи и ее текст (ср. стр. 30 и др.). Равным образом, в тексте прямо говорится, что проблема капиталистической динамики не исчерпывается сменой конъюнктур, что одновременно «она представляет собой... процесс развития», но что «проблема общего развития нами здесь не исследуется» (см. мою статью, стр. 65). При чем же тут неписаная методология? Для удобства и убедительности критики или для веселости ее?

Далее, из только что процитированных мест моей статьи уже ясно, что наряду с проблемой конъюнктуры я знаю о существовании проблемы развития капитализма, знаю я и об этапах его развития. Чтобы не было сомнений, приведу следующую выдержку из своей уже упомянутой специальной методологической работы о статике и динамике. Разграничив понятие эволюционных (необратимых) и конъюнктурных (обратимых) процессов, специально относительно изучения эволюционных процессов я писал там: «Это изучение будет изучением эволюции народного хозяйства в целом и отдельных элементов с одной стадии на другую»⁹. Кажется бы, сделав теперь в специальной работе о больших циклах ясную оговорку о том, что в ней я не исследую вопросов общего развития, я мог бы считать себя свободным от упреков в том, что отрицаю существование этапов и стадий развития. Не может же автор при разработке каждой специальной темы воспроизводить вновь то, что он писал по более общим вопросам год и более назад. Но, к сожалению, это соображение не учитывает существования того круга критиков, которые, не занимаясь данным циклом вопросов систематически, в то же время являются большими любителями поговорить на любую тему и требуют, чтобы в каждой, даже специальной работе вопрос трактовался опять с азов: «верую и т. д.».

Итак, не я отрицаю существование процесса общего капиталистического развития и его этапов, а Н. Н. Суханов отрицает необходимость внимательно читать то, что пишется, и даже то, что он критикует. Да, но вы отрицаете значение этих этапов и, исследуя конъюнктуру вне всякой связи с этапами общего развития капитализма, игнорируете их, – замечает Н. Н. Суханов. Увы, зная о существовании развития капитализма, я не менее хорошо знаю и о связи эволюционных (необратимых) процессов с процессами колебаний конъюнктуры. В упоминавшейся уже работе о статике и динамике черным по белому написано, что, изучая конъюнктурные колебания, необходимо всегда помнить о единстве процесса развития народного хозяйства и о роли эволюционных тенденций¹⁰. Но, может быть, это общее положение мною забыто в данной работе о больших цик-

⁹ См. упомянутую статью «К вопросу о понятиях экономической статике, динамики и конъюнктуры», стр. 362.

¹⁰ См.: Ibid., стр. 362 и 371.

лах? Ничего подобного. Все основные сдвиги в развитии капитализма, имевшие, по моему мнению, решающее значение в ходе конъюнктуры, как промышленная революция, другие крупнейшие переломы в технике производства, сдвиги в расширении орбиты мирового рынка, в добыче золота и т. д., мною в ней учтены. Можно не соглашаться с моими построениями по существу, но одной строчкой и совершенно голословно утверждать такую «правду», что я игнорирую процесс общего развития капитализма, не рекомендуется никому, даже Н. Н. Суханову.

Мне остается рассмотреть в данной связи последний упрек Суханова, будто в моей «неписаной» методологии я исхожу, как астроном, из идеи вечности и неизменности законов капиталистического развития. Приведенную неясную формулировку Н. Н. Суханова читатель может понять в двояком смысле: в том, что я утверждаю вечность самого капиталистического строя и, следовательно, вечность тех циклов, которые изучаю, и в том, что я не учитываю изменчивости законов самого капиталистического строя, пока он существует. Что касается первого смысла, то приведенный упрек явился бы просто смешным. Действительно, в своей работе я пишу, что циклы изучаются мной в отношении капиталистического хозяйства и «что гибель капитализма повлечет за собой исчезновение и больших циклов в экономической динамике» (стр. 65). Это как раз подтверждает упрек Н. Н. Суханова.

Обращаюсь ко второму значению тезиса Н. Н. Суханова. Признавая, что капитализм в своем развитии проходит известные этапы, я, разумеется, тем самым признаю, что эти этапы имеют свои специфические особенности, которые можно и нужно изучать. Однако Н. Н. Суханова это, очевидно, не удовлетворяет. Он утверждает, что «способы меры и числовые выражения» хода явлений на различных этапах капитализма различны. Он полагает, в частности, что законы конъюнктуры по этапам своим различны, что поэтому исследовать закономерность колебания конъюнктуры на протяжении периода, охватывающего несколько этапов капитализма, нельзя (ср. выше замечания о постановке проблемы).

Я думаю, что Н. Н. Суханов впадает в гиперболизм и ошибается. Проходя различные этапы, капитализм остается все же капитализмом и сохраняет свои основные черты и закономерности. Иначе почему бы эти этапы были этапами капитализма? Закон стоимости и цен, тенденции нормы прибыли и производства, колебания конъюнктуры и кризисы могут на различных этапах проявляться с теми или иными отличиями, но мне не известно, чтобы марксизм или какое-либо другое направление в экономике утверждало, что закон стоимости и цен, закон прибыли и колебаний конъюнктуры на различных этапах развития капитализма абсолютно различны и не поддаются обобщению. Равным образом, мне не известна и такая физиология, которая бы утверждала, что законы кровообращения и дыхания в различные возрасты организма абсолютно различны и не

поддаются обобщению. Н. Н. Суханов прав, что числовые выражения здорового и болезненного функционирования отдельных органов организма (а если пользоваться полюбившейся ему аналогией, то и капиталистического общества) в различном возрасте его будут несколько различны. Но это – простая фраза, что способы меры и показатели состояния организма (и, следовательно, общества) в различном возрасте его будут несколько различны. Но это – простая фраза, что способы меры и показатели состояния организма (и, следовательно, общества) в различном возрасте его различны. Н. Н. Суханов никогда не докажет, что расстройство дыхания и кровообращения будут показателем здоровья для юноши и показателем болезни для старика. Он никогда не докажет, что накопление и рост производства, расширение торговли и повышение процента и т. д. на одних стадиях капитализма говорят о подъеме, а на других об упадке конъюнктуры. Н. Н. Суханов далее забывает, что числовые выражения функционирования капиталистических институтов будут несколько различны не только на различных этапах капитализма, но и в различных циклах одного и того же этапа. Н. Н. Суханов забывает, наконец, что при исследовании конъюнктуры речь идет не о сопоставлении уровня числовых выражений хозяйственной жизни на различных этапах капитализма, а об определении направления их изменений от одного момента времени к другому.

Но если все это так, то, не отрицая целесообразности исследования специфических особенностей проявления закономерностей капитализма на различных этапах его, я в то же время не вижу никакой ошибки в исследовании закономерностей, свойственных капитализму на всех этапах его развития. В противном случае Н. Н. Суханову пришлось бы выбросить за борт слишком много работ по теории капитализма, в том числе и марксистских, в том числе и самого Маркса.

В частности, я не вижу никакой ошибки и в исследовании колебаний конъюнктуры, свойственных капитализму на пройденных им этапах после промышленной революции. Так же смотрят на вопрос и марксисты, которые, правда, не учились у Н. Н. Суханова. Сошлюсь хотя бы на работу de-Wolff'a, который исследовал как раз длительные волны подъемов и упадков в динамике капитализма и пришел к весьма близким со мной выводам¹¹.

Таким образом, критикуя мою «неписаную» методологию, Н. Н. Суханов стреляет, но стреляет или по созданной им же мишени, или даже без мишени, а просто так, по аналогии. Веселое занятие!

3. Покончив с «неписаной» методологией, Н. Н. Суханов переходит к методологии писаной.

---

¹¹ См. S. de-Wolff. Prosperitäts – und Depressionsperioden (в сборнике “Der Lebendige Marxismus. Festgabe zum 70. Geburtstage von Karl Kautsky”).

Он признает правильным, что я опираюсь на статистический метод. Но он отмечает недостаток статистических данных. Неполноту систематических цифровых данных я отмечаю в статье и сам. Но как бы то ни было, основные данные о ценах, заработной плате, проценте на капитал, о внешней торговле и производстве у меня имеются с конца XVIII – с середины XIX в.

Кроме того, если Н. Н. Суханов думает, что весь материал исчерпывается тем, который приведен в моей статье, то он ошибается. Значительный цифровой материал, использованный мною, как я отмечаю в статье, мною не приведен. Наряду с этим имеется богатый описательный материал, на который я также ссылаюсь. Во всяком случае, после внимательного ознакомления с имеющимися материалами едва ли кто присоединится к Н. Н. Суханову, который пишет: «Такой статистики в природе нет... Во всяком случае реальная трудность – творить из ничего – была явно налицо» (стр. 162).

Впрочем, по обыкновению, Н. Н. Суханов сам сейчас же расписывается в своей несостоятельности и с выражением невинности начинает преспокойно обсуждать показательную силу тех данных, которые он только что объявил «несуществующими в природе». Н. Н. Суханов признает, что изучаемые мною показатели (цены, процент, заработная плата и т. д.) действительно характерны для конъюнктуры короткого периода. Но для характеристики длительных «конъюнктурных циклов» эти данные, по его мнению, не годятся. Почему? Во-первых, потому, что, если в пределах нескольких лет, пишет Суханов, они «определяются больше всего именно конъюнктурой... т. е. показывают, главным образом, конъюнктуру» (стр. 163), то «в течение огромных исторических периодов» на них действуют другие, более могучие факторы, и те же показатели «показывают не конъюнктуру, а больше иные условия» (стр. 163); во-вторых, «потому, что числовые выражения этих признаков на расстоянии десятков лет не характерны и не сравнимы».

Оба аргумента Н. Н. Суханова абсолютно несостоятельны. Из первого аргумента ясно, что для Н. Н. Суханова одно и то же: «показывать конъюнктуру» и «объясняться конъюнктурой». Но ведь Н. Н. Суханов, как было отмечено выше, понимает конъюнктуру просто как процесс смены усиления и ослабления темпа экономического развития, то есть, конкретно, изменения цен, процента, производства и т. д. Если же это так, то сама смена темпа изменения цен, процента, производства и т. д. может, конечно, объясняться теми или иными реальными причинами, но ее уже нельзя поставить в один ряд с этими реальными причинами как аналогичный феномен. Поэтому нельзя сказать, что цены, заработная плата и т. д. объясняются конъюнктурой, потому что конъюнктура и есть темп изменения цен, заработной платы и т. д. Очевидно, грамотно можно сказать только так: данный уровень цен, заработной платы и т. д. по сравнению с их

уровнем в предшествующее время показывает ту или иную конъюнктуру. Но если это так, то Н. Н. Суханов просто страдает аберрацией, когда говорит, что в короткие периоды цены, заработная плата и т. д. больше всего объясняются конъюнктурой, а в длинные – иными факторами. И в короткий, и в длинный период цены, заработная плата и т. д. не объясняются конъюнктурой. Но и в короткие, и в длинные периоды темп изменения цен, заработной платы и т. д. может показывать повышающуюся или падающую конъюнктуру.

Что касается теперь второго аргумента Н. Н. Суханова, то его несостоятельность очевидна уже из разбора его критики «неписаной методологии». Если индекс цен, скажем, в 1820 и 1873 гг. стоит на одном и том же уровне, то при изучении конъюнктуры никому и в голову не приходит утверждать, что конъюнктура того и другого года одинакова. Но если индексы цен как 1820, так и 1873 г., каждый для своего времени, стоят в цепи падающего ряда цен, то исследователь имеет право сказать и говорить, что, несмотря на все различие конкретных условий состояния капитализма в тот и другой период, он находился в обоих случаях в полосе падающей конъюнктуры.

В критике моей «писаной методологии» Н. Н. Суханов затронул еще один вопрос – вопрос о выравнивании рядов. При этом Н. Н. Суханов обнаружил такую глубину непонимания сущности этого приема, что мне прямо тяжело останавливаться на этом вопросе. Например, по поводу заработной платы Н. Н. Суханов пишет: «Но, главное, неужели автор полагает, что, исключив посредством парабол и “сгладив” по методу подвижной средней вековое движение заработной платы, он, действительно, изолировал все факторы ее образования и оставил одну конъюнктуру, начиная с эпохи выжимания пота у пятилетних детей и кончая могучими трэд-юнионами» (стр. 164). Простите, Н. Н., но ведь вековое движение никто по методу подвижной средней не сглаживает и не сглаживал. Больше того, сглаживание векового движения – это *contradictio in adjecto*. Приходится изумляться, как можно при таких представлениях о предмете писать о нем, да притом еще в критической статье.

Что же касается вопроса о выравнивании по существу, то я не могу и не имею необходимости входить в его разъяснение здесь. Это сделано в нужной мере в моей статье, а полнее в различных руководствах по математической статистике. Замечу лишь следующее. Если сущность конъюнктуры даже по Н. Н. Суханову сводится к смене темпов хозяйственного развития, то, очевидно, нужно иметь метод определения, когда эти темпы повышаются и когда падают. Нахождение плавного векового уровня и служит методологическим приемом для определения, когда эмпирический ряд изменяется ускоренным и когда – замедленным темпом. Н. Н. Суханов, высказавшись о существовании понятия конъюнктуры, поспешил выступить с критикой метода выравнивания. Но он не предложил

никакого другого приема исследования конъюнктуры. Интересно было бы знать, как же он будет определять смену темпов?

4. «Такова писаная методология проф. Кондратьева, – пишет далее Н. Н. Суханов... – После сказанного, пожалуй, даже и не обязательно обращаться к самому процессу и к результатам исследования» (стр. 164). Я, пожалуй, тоже согласен с Н. Н. Сухановым, что «не обязательно», так как уже из предыдущего достаточно ясно, что его критика при ее «вооружении» не в состоянии помочь освещению вопроса. И действительно, его дальнейшие отрывочные и бессистемные заметки лишний раз показывают, что Н. Н. Суханов никакими иными данными, кроме тех, какие я привел в своей работе, не располагает и что он сплошь и рядом даже их понимает неверно. «Но все же, – выражаясь словами Н. Н., – мы обратимся (к результатам исследования. – *Н. К.*), только будем очень кратки» (стр. 164).

а) В этом разделе критики некоторые замечания Н. Н. Суханова объясняются просто его невнимательным изучением даже того, что написано мной. Так, он иронизирует, что я «благоразумно» обрываю ряды данных по заработной плате и внешней торговле на 1910 г. (стр. 166–167). На самом же деле те и другие данные доведены мной до 1913–1914 гг. И Суханов или не заметил, или не понял, что кривая укорачивается сглаживанием.

б) Рассматривая движение приведенных мною данных о ценах, проценте и т. д., Н. Н. Суханов отмечает, что эти данные не показывают совершенно правильных больших циклов и обнаруживают ряд отклонений. Но на эти отклонения указываю я сам. Что же они обозначают? Ужели Н. Н. Суханову неизвестно, что при статистическом исследовании даже более простых экономических явлений, хотя бы данных земских переписей, над которыми он работал гораздо больше и, кажется, плодотворнее, чем над вопросами конъюнктуры, мы никогда не имеем идеальных правильностей? Почему же вы стали так педантичны в труднейшем вопросе о больших циклах? Факт тот, что все отклонения не разрушают общего вывода о наличии этих циклов.

в) Н. Н. Суханов далее ставит мне в вину, что в некоторых случаях, отмечая такие отклонения кривых, я апеллирую к пертурбирующему влиянию войн, революций и т. п. Н. Н. предполагает, что я привлекаю эти пертурбирующие факторы лишь там, где мне это нужно, например указываю влияние гражданской войны в Америке на цены и не указываю влияния франко-прусской войны (стр. 165). На самом деле пертурбирующее влияние войн и т. п., раз они возникли, я признаю всюду (см. мою статью, стр. 60–61). И если я апеллирую к ним лишь иногда, как в данном случае, то это вызывается необходимостью уяснить некоторое отклонение в движении американских цен от европейских. Впрочем, мною отмечено, что это отклонение вовсе не нарушает основной правильности большого цикла.

г) Н. Н. Суханов упрекает, наконец, меня в том, что я слишком преувеличиваю влияние конъюнктуры и не замечаю, что, например, резкое падение консоли с 1792 по 1813 г. в значительной мере обязано Французской революцией и континентальной блокаде, а замедление продукции угля, чугуна и свинца после 70-х гг. – влиянию кризиса 1873 г. Но уже выше, мне кажется, я достаточно разъяснил, что падение того или другого показателя не может объясняться и у меня не объясняется конъюнктурой, а может лишь служить симптомом повышения или понижения конъюнктуры, изменение которой и подлежит объяснению. Отсюда и ясно, что, констатируя простой факт повышающейся волны конъюнктуры с 1792 по 1813 г. и понижающейся после 70-х гг., я тем самым вовсе не игнорирую ни роли Французской революции, ни кризиса 1873 г.

Этим, в сущности, исчерпываются все основные замечания Н. Н. Суханова по «итомам исследования». Замечания эти рекомендуют Н. Н. Суханова как человека очень скромного.

5. И я готов бы был укрепиться в этом мнении, если бы Н. Н. Суханов не присоединил к своей статье замечательного заключения.

В своей статье я совершенно ясно пишу и несколько раз повторяю, что не ставлю в ней своей задачей объяснить большие циклы (см. мою статью, стр. 54–55, 65–66). Максимум, что я делаю в этом направлении, это указываю, как не следует объяснять большие циклы (см. стр. 60 и сл.). Тем не менее, прямо вразрез с моими заявлениями Н. Н. Суханов пишет: «Во всяком случае, проф. Кондратьев делает попытку установить причинную зависимость между отдельными явлениями и историческими событиями различных моментов» (стр. 168). И далее, на примере с выяснением роли войн и революций для хода конъюнктуры Н. Н. Суханов с «неподражаемым искусством», с «изумительной силой логики» высмеивает «мои попытки объяснения». Как же?

Некоторые авторы склонны думать, что большие волны конъюнктуры обуславливаются толчкообразным воздействием войн и революций. В своей работе я возражаю против этого мнения и указываю, что войны и революции не падают с неба, что они сами располагаются во времени с известной правильностью; отсюда вероятнее допустить, что сами войны и революции возникают в силу определенных предпосылок в условиях роста производительных сил (см. мою статью, стр. 60–61). Я не пытался в статье дать объяснение войн и революций, но, казалось бы, против общего моего подхода к вопросу о роли войн и революций для хода конъюнктуры не нашел бы возражений даже самый несомненный марксист¹². Но Суханов, очевидно, стал более чем ортодоксальным марксистом и, критикуя мои вышеизложенные соображения о роли войн и революций, он черным

¹² Кстати, именно эту часть моей работы признал «совершенно убедительной» и верной В. А. Базаров (см. его рецензию на «Вопросы конъюнктуры» в «Экономическом Обзрении» за ноябрь 1925 г., стр. 255 и сл.). Между тем, В. А. Базаров, кажется, тоже марксист.

по белому пишет: «У зрелого поколения современников тут возникает, как живой, образ некогда знаменитого профессора либерально-народнического водолея Кареева. Неустанно упражнялся он в этюдах по экономическому материализму... и в целых книгах переворачивал на все лады единую тезу: в качестве движущих сил истории, помимо факторов психологических, этнографических, религиозных, расовых, моральных, “правдоподобно допустить” также и факторы экономические» (стр. 169).

Какая элегантная и в то же время железная логика! И это, конечно, очень похвально, Н. Н., что Вы не забыли старика Кареева. Приятно также видеть, что по вопросу о конъюнктуре и больших циклах Вы прочитали не только мою статью, но и... Н. И. Кареева. Только причем здесь его построения и взгляды – вот чего я никак не могу понять. В связи с этим и вообще с характером критики Н. Н. Суханова на память мне невольно приходят следующие правдивые слова одного видного писателя, высказанные им в печати: «Пользуюсь случаем выразить мое крайнее сожаление по поводу допущенных мною форм... полемики... Я признаю, что допускаясь мною “красоты” были дурного тона, дурного вкуса и были результатом дурного литературного воспитания. Отряхаю от ног своих этот прах».

Слова эти принадлежат Н. Н. Суханову (см. его последнюю работу «Очерки по экономии сельского хозяйства». Москва, 1924 г., стр. 33).

Прилежная критика Д. И. Опарина

Критика Д. И. Опарина распадается на два раздела: первый посвящен методу, второй – выводам по вопросу о существовании больших циклов.

Из методологических приемов Д. И. Опарин критикует лишь один, а именно – определение плавного уровня (вековой тенденции) при помощи способа наименьших квадратов, употребленного мною при выравнивании эмпирических рядов. Остановлюсь на возражениях Д. И. Опарина против этого метода по пунктам.

1. Д. И. Опарин утверждает, что провести теоретическую кривую плавного уровня, хорошо охватывающую направление выравниваемой эмпирической кривой, можно лишь в том случае, «когда выравнивается достаточное число колебаний... Между тем, проф. Кондратьев захватывает то два, то полтора и даже менее циклов» (стр. 150). Д. И. Опарин жестоко заблуждается. Выравниваются в данном случае не циклические колебания и не большие циклы, а вся эмпирическая кривая. Поэтому плавный уровень определяется не двумя или меньшим числом точек (по числу циклов), а всеми точками эмпирической кривой. Так как я исследую эти кривые за длительный период от 50 до 120 лет, то этих точек более чем достаточно (по сравнению с обычной практикой) для применения метода наименьших квадратов. Что касается циклов, то они, как я уже указал, не

выравниваются, а находятся в результате выравнивания путем определения отклонений эмпирической кривой от найденной теоретической.

2. Д. И. Опарин оспаривает применение метода наименьших квадратов при исследовании небольшого числа циклических колебаний далее потому, что определяемый при помощи этого метода плавный уровень будет иным, если мы возьмем не полтора, а, скажем, два цикла (стр. 150). Д. И. Опарин прав: направление уровня окажется несколько иным, если мы будем укорачивать или удлинять эмпирическую кривую. Но он глубоко ошибается, думая, что таким образом доказал неприменимость метода при исследовании циклов. В том и другом случае циклы, если они существуют, выявляются с одинаковой неоспоримостью. Все, что изменяется (обычно ничтожно) при удлинении или укорочении эмпирической кривой, – это начальные и конечные моменты циклов, а также высота их волн.

3. В связи с предыдущим положением Д. И. Опарин далее утверждает, что при употреблении метода наименьших квадратов концы эмпирических кривых «могут оказать существенное влияние как на вид кривой, так и на ее направление» (стр. 150).

Отсюда он упрекает меня за то, что я начинаю эмпирические кривые и обрываю их для различных рядов в различное время, в частности, что я иногда не включаю военного и послевоенного периода. Что касается начала эмпирических кривых, то, как указывает сам Д. И. Опарин, я был связан имеющимся материалом. Что касается обрывания кривых, то в некоторых случаях военный и послевоенный периоды мною включены. В некоторых они не включены потому, что не было сравнимых данных или не было их тогда, когда производилась работа. Однако в отдельных случаях был сознательно взят лишь довоенный период по следующим соображениям.

Действительно, в случаях, когда концы выравниваемых кривых обнаруживают резкие изломы, это ставит некоторые затруднения для выравнивания при помощи метода наименьших квадратов. В таких случаях приходится отрезать конец кривой с резкими изломами. В этом, несомненно, сказывается известное ограничение метода наименьших квадратов. Но, во-первых, мне неизвестно никакого другого научного метода (и не только в области выравнивания), который бы не имел своих ограничений. Во-вторых, отрезок кривой, который служит ее концом и является пертурбирующим, по прошествии известного времени, когда он уже перестает быть концом кривой и когда выясняется дальнейшее общее направление продолжающегося эмпирического ряда, перестает быть пертурбирующим фактором. Тогда метод вступает в полные права и по отношению к этому отрезку. Таких случаев можно было бы найти в прошлом очень много. Наконец, в-третьих, и по существу самое главное: я утверждаю, что если даже пожертвовать чистотой метода и включить пертурбирующие отрезки в выравниваемые эмпирические ряды (на что не пошел я), то

результаты получаются в основном те же, которые получил я. Они оказываются в полном согласии с моими выводами о циклах.

4. Д. И. Опарин утверждает, что найденные мною методами математической статистики плавные уровни находятся в «противоречии с экономическим смыслом», что они «экономически несообразны» (стр. 151). Для доказательства этого положения он берет найденные уровни курса французской ренты и английской консоли. Рассматривая их, он отмечает две «несообразности».

Первая состоит в том, что уровни ренты и консоли оказались различными: первый выражается параболой первой степени, а второй – третьей степени. Но ведь это же несообразно, – заявляет критик, – так как рынок капиталов, особенно таких стран, как Англия и Франция, тесно связан между собой, и процент на капитал, а следовательно, и курс твердо-доходных бумаг в них не может характеризоваться различными вековыми тенденциями. Это возражение более чем наивно. Всякому человеку, знающему вопрос, известно, что плавный уровень, найденный при помощи метода наименьших квадратов, схватывает общее направление эмпирической кривой и ничего больше. И если плавные уровни ренты и консоли оказались различными, то значит, различную форму имели их эмпирические кривые. Так это и есть, и это хорошо видно из приведенной самим Опариным диаграммы № 1. Но если это так, то почему же у них должны быть одинаковыми уровни и почему Опарин не протестует против различия форм самих эмпирических кривых курсов? Может быть, действительность послушала бы его и повела бы себя иначе?

Вторая несообразность состоит в следующем. Если «мысленно продолжить», – пишет Д. И. Опарин, – вековую тенденцию курса консоли, то в этом случае окажется, что курс консоли через известный... период времени должен сойти на нет» (стр. 152–153), так как он имеет крутой уклон книзу. Но это же несообразно, – полагает Д. И. Опарин, – так как при капитализме курс консоли не может сойти на нет. И это возражение не выдерживает самой элементарной критики. Раз теоретическая кривая лишь схватывает общее направление эмпирической кривой, то продолжать ее, хотя бы и мысленно, за пределы имеющегося эмпирического ряда можно лишь с таким успехом, как и стрелять по дичи, которая еще не прилетела, можно лишь нарушая самым грубым образом существо метода выравнивания. Найденный мною уровень не может быть в противоречии с фактами действительности потому, что он лишь характеризует эти факты. Он не может противоречить фактам будущего потому, что этих фактов еще нет.

Д. И. Опарин уже слышал некоторые из этих моих возражений ему на моем докладе в Институте Экономики. Поэтому в статье он спешит ответить их (стр. 153).

а) В этих целях он утверждает, будто, по моему мнению, определяемый при помощи метода наименьших квадратов плавный уровень не только характеризует общее направление данного эмпирического ряда и, следовательно, имеет статистико-методологический характер, но представляет из себя нечто большее, а именно кривую реального направления эволюции соответствующих явлений, если бы народное хозяйство находилось все время в состоянии динамического равновесия. Подтверждение этого он видит в том, что я иногда употребляю термины не «уровень», а «вековая тенденция», каковой, по его мнению, представляет из себя понятие не статистическое, а экономическое. К сведению Д. И. Опарина сообщу, что термин «вековая тенденция» представляет из себя дословный перевод английского термина *secular trend*. Последний же употребляется в литературе именно в том смысле, в каком у нас употребляется термин «уровень». С другой стороны, хотя я и не отрицаю, что существует проблема об отношении статистически определяемого уровня и кривой реально-эволюционного процесса, тем не менее в работе о больших циклах, употребляя метод наименьших квадратов, я нигде не утверждаю, что определил не уровень в статистическом смысле, а именно кривую реальной эволюции.

б) Д. И. Опарин думает, далее, что я фактически сам покидаю формально-статистическую точку зрения на уровень при исследовании индексов цен, так как не произвожу их выравнивания. Не понимаю, почему это значит покидать принятую точку зрения? Я не произвожу выравнивания индексов в работе потому, что большие циклы совершенно отчетливо видны в них и без выравнивания. Но такое выравнивание у меня, тем не менее, произведено и оно не дало по существу новых выводов.

в) Наконец, Д. И. Опарин утверждает, будто, по моему мнению, плавный уровень, определенный для прошлого, уже не может изменить своего направления в будущем. Отсюда следовало бы, что, по-моему, курс консоли рано или поздно действительно вонзится в землю. Я никогда и нигде не утверждал, что направление уровня не может измениться в будущем и не вижу абсолютно никаких оснований для навязывания мне подобной точки зрения. Тем более что в статье я высказываю прямо противоположное мнение (см. стр. 34).

На этом и кончается критика метода со стороны Д. И. Опарина. «Если же вековые уровни проф. Кондратьева, — пишет он, — не правильны» (стр. 153), то это может иметь немаловажное значение для выводов о больших циклах. Д. И. Опарин, таким образом, вполне убежден, что он доказал неправильность моих уравнений. Убеждение (субъективное), конечно, вещь недурная: некоторых оно успокаивает, а у некоторых повышает чувство самосознания. Однако, в действительности, Д. И. Опарин своей критикой метода показал лишь то, что метод вполне пригоден, но что Д. И. Опарин по неизвестным причинам недостаточно осторожно с ним обращается при критике.

* * *

Перехожу к критике выводов о существовании циклов в динамике изученных мною основных элементов капиталистического хозяйства.

1. Д. И. Опарин признает, что «движение цен дает известные длительные колебания, примерно, по периодам, устанавливаемым проф. Кондратьевым» (стр. 154)¹³. Прекрасно. Запомним это.

2. Признает он также и то, «что процент по долгосрочным помещениям обнаруживает... длительные колебания по тем же периодам, как и движение цен» (стр. 154). Прекрасно. Запомним и это.

3. Признает он, далее, что те же длительные циклы существуют и в движении заработной платы (стр. 155). (Необходимо запомнить и это признание критика.) Но так как я исследую номинальную заработную плату, то он считает, что «эти колебания представляют из себя лишь колебания общего уровня цен» (стр. 155), точнее – следствие колебаний уровня цен. Поэтому, если мы разделим ряд заработной платы на ряд индекса оптовых цен, то эти колебания, заявляет Опарин, немедленно исчезнут (стр. 155). Со всей критической аргументацией Опарина согласиться абсолютно невозможно. Во-первых, из какой теории политической экономии Опарин вычитал, а если не вычитал, то чем он доказал, что номинальная заработная плата представляет из себя простую функцию товарных цен, а не явление *sui generis*, обладающее специфическими закономерностями? Если бы номинальная заработная плата была простой функцией товарных цен, как думает Опарин, то в результате деления ее на уровень цен он получил бы горизонтальную неизменную линию. В действительности, согласно приведенной им же диаграмме (стр. 155, диагр. № 2), эта линия непрерывно поднимается и колеблется. Опарин просто не замечает всей глубины противоречия его утверждений и действительности. Во-вторых, когда он делит номинальную заработную плату на оптовый индекс (хотя такое деление и очень спорно), то получает ряд, близкий к реальной заработной плате. Но эта реальная заработная плата представляет из себя новый феномен, производный от товарных цен и номинальной заработной платы. Опарин утверждает, что в ней нет циклов. Но он не исследовал этой новой кривой и потому ошибается. Да, в ней нет точно тех же циклов, которые есть в номинальной заработной плате и в ценах. Но так как товарные цены колеблются сильнее, чем номинальная заработная плата, и так как их подъемы и падения предупреждают подъемы и падения номинальной заработной платы, то реальная заработная плата обнаруживает большие циклы, идущие со значительным запозданием и с меньшим размахом по сравнению с циклами номинальной заработной платы.

4. Д. И. Опарин признает существование больших циклов и в динамике оборотов внешней торговли, взятых в золотых ценах каждого года. (За-

---

¹³ Несущественные оговорки Д. И. Опарина, ради краткости, оставляю без ответа.

помним и это.) Но он делает возражение, аналогичное тому, которое делал по адресу номинальной заработной платы, то есть считает, что эти циклы – простое отражение циклов товарных цен. Однако обработка ряда, полученного в результате деления (как оно ни условно) оборотов внешней торговли (по Англии, на которую ссылается при критике Д. И. Опарин) на уровень цен, то есть обработка нового ряда, а именно – физического объема торговли, показывает, что в его динамике большие циклы существуют. Циклы эти, вполне естественно, менее резко выражены, запаздывают против циклов цен и имеют отклонения значительно большие, но аналогичные тем, какие наблюдались в оборотах английской торговли, взятой в ценностном выражении (выступ 1840–1855 гг.) Но все же они имеют место.

5. Д. И. Опарин отрицает наличие циклов в изученных мною и приведенных в статье натуральных показателях, как потребление и добыча угля, производство чугуна и свинца.

Это отрицание он строит на трех основных доводах. Доводы эти имеют различное значение, но они все одинаково несостоятельны.

а) Во-первых, он спрашивает, что может доказать наличие колебаний в добыче свинца в Англии, когда английское производство его занимает ничтожное место в мировой продукции.

Опарин, очевидно, упустил из виду, что речь идет не об удельном весе английского производства свинца в мировом производстве, а о том, есть ли в его колебаниях большие циклы или нет. Опарин, очевидно, не принял во внимание также и того, что экономически размер той или другой отрасли капиталистического хозяйства вовсе не гарантия против ее колебаний, против ее циклов и кризисов. Если рассуждать по логике Д. И. Опарина, то, очевидно, нужно было бы сказать, что, например, процессы, наблюдающиеся в небольшом дереве, не показательны для физиологии и анатомии растений, так как это дерево маленькое.

б) Во-вторых, Д. И. Опарин утверждает, будто натуральные показатели в своей динамике дают столь ничтожные отклонения от уровня (иногда в размерах одного или полутора процентов), что эти отклонения не выходят за пределы статистической ошибки и потому не могут служить доказательством существования больших циклов (стр. 157, 159). Неизвестно, как измерял Опарин эти отклонения. Но факт, что в этом утверждении он просто тенденциозно ошибается. Если взять точки максимумов и минимумов отдельных волн найденных нами больших циклов в динамике натуральных показателей, то в действительности получается следующая картина.

Таблица. Отношения отклонений к уровню в %% в годы максимумов (+) и минимумов (-) полувольт¹⁴

Потреблен. угля во Франции:	Полуволна 1836–56	Полуволна 1857–84	Полуволна 1885–1909
а) несглаженные,	мин. –25	макс. +15	мин. –6
б) сглаженные	–16	+6	–3
Добыча угля в Англии:		Полуволна 1862–84	Полуволна 1885–1900
а) несглаженные,	–	+8	–15
б) сглаженные	–	+6	–5
Производство чугуна в Англии:	Полуволна 1845–66	Полуволна 1867–87	Полуволна 1888–1907
а) несглаженные,	–12	+19	–18
б) сглаженные	–5	+6	–7
Производство свинца в Англии:		Полуволна 1864–84	Полуволна 1888–1905
а) несглаженные,	–	+23	–27
б) сглаженные	–	+10	–13

Отсюда хорошо видно, что процент отклонений от уровня, нарастая, достигает в точках минимумов и максимумов достаточно значительной величины. Причем сглаженные отклонения лишь в $1\frac{1}{2}$ –2 раза меньше, чем несглаженные. Так как несглаженные отклонения могут служить показателем размаха колебаний под влиянием кризисов в среднем промышленно-капиталистическом цикле (продолжительностью в 7–11 лет), а сглаженные – показателем размаха колебаний в большом цикле, то отсюда ясно, что утверждать, будто натуральные показатели не реагируют на большие циклы, более чем неосторожно. И было бы странно, если бы они не реагировали. В самом деле, если цены, процент на капитал, заработная плата, внешняя торговля обнаруживают большие циклы, то как экономически могут оставаться вне их влияния натуральные показатели?

в) Д. И. Опарин, наконец, указывает, что колебания некоторых натуральных показателей, таких как чугун (Опарин только что утверждал, что колебаний этих, собственно, нет) не совпадают с установленными мною периодами. В статье я нигде не утверждаю, что годы переломов отдельных показателей должны совпадать. Я думаю даже обратное: они не могут совпадать. Характерно, что я сам оговариваю наличие некоторых отступлений в колебании отдельных кривых. Тем не менее Опарин, как ни в чем не бывало, твердит свое. Чего он хочет? Если он хочет математической точности движения статистических рядов сложнейших хозяйственных яв-

¹⁴ В таблице полувольты считаются от точек, где сглаженная кривая отклонений пересекает теоретическую линию и где, следовательно, отклонения равны нулю.

лений, то ему лучше своевременно бросить заниматься экономикой, так как он разочаруется в ней, так как он не найдет идеальных правильностей не только в движении больших циклов, но и в средних циклах и во всех других экономических явлениях. Д. И. Опарин фиксирует свое внимание на мало что говорящих отступлениях от правильностей и совершенно глух, в общем, к удивительной закономерности хода больших волн капиталистической динамики.

Много прилежного труда потратил Д. И. Опарин на критику. Он трудолюбиво и прилежно проверил, кажется, все мои цифры, все диаграммы, все запятые. Все это очень хорошо. Но есть что-то безнадежное и мертвящее во всей его работе. В самом деле, потрачено столько труда и, в конце концов, по существу, Д. И. Опарин сам в отношении почти всех изученных мною показателей признал существование больших циклов. Там, где Опарин отвергает существование циклов, его аргументация более чем несостоятельна. Всем этим он против своей воли еще раз подчеркнул, что и на метод он напал напрасно, что и метод достаточно удовлетворителен. Что может быть безнадежнее такой критики?

В противовес конечному выводу моей статьи Д. И. Опарин заканчивает свою статью торжественным, набранным курсивом заявлением, что после его «детального рассмотрения... можно полагать, что существование больших циклов конъюнктуры мало вероятно». Я позволю себе закончить свой ответ ему заявлением, что критические доводы Д. И. Опарина при внимательном рассмотрении их не опровергают, а как нельзя лучше подтверждают вероятность существования больших циклов¹⁵.

---

¹⁵ В № 4 и 5 «План. Хоз.» напечатана статья В. А. Базарова «Кривые развития капиталистического и советского хозяйства». В ней он также остановился на критическом разборе моей работы о больших циклах. Так как моя статья уже и без того велика, так как, с другой стороны, замечания В. А. Базарова вытекают из целей развиваемой концепции, то я не могу останавливаться на них мимоходом здесь и имею в виду высказаться по поводу их в другое время и в другой связи.

Когда настоящая статья была уже набрана, мною был получен № 5–6 журнала «Хозяйство Украины», где напечатана статья проф. Я. Диманштейна (стр. 163–172), посвященная оценке вып. I «Вопросов конъюнктуры» и главным образом критическому разбору моей работы о больших циклах. Не имея возможности сейчас останавливаться на возражениях проф. Диманштейна, ограничусь замечанием, что критика автора малоубедительна. Многие утверждения его или совершенно лишены оснований, или отправляются от допотопной методологии и взглядов в области изучения конъюнктуры.